

МАНУИЛ (МЕНАХЕМ) СОЛОВЕЙ

МАНУИЛ
СОЛОВЕЙ
ВРАЧ И ТАЛМУДИСТ
В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

{КНИЖНИКИ}

МОСКВА

5782/2022

УДК 82-94+296.18
ББК 84 (2 Рос+5Изр) +86.36
М 24

Составитель Борис Зайчик
Научный редактор Илья Дворкин
Художник Андрей Бондаренко
Корректоры Наталья Колганова, Ольга Степанова
Компьютерная верстка Константин Москалев

М24 Мануил Соловей. Врач и талмудист в советскую эпоху / Сост. Б. Зайчик. —
Москва : Книжники, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-9953-0825-6

Мануил (Менахем) Соловей (1898–1985) — выдающийся советский врач и ученый-талмудист. В книгу вошли воспоминания и некоторые очерки Соловья на медицинские темы, а также исследовательские статьи, посвященные его биографии и профессиональной деятельности, и подборка из его комментариев к Талмуду на иврите и в переводе на русский.

© Борис Зайчик, 2022
© «Книжники», 2022

Подписано в печать 28.03.2022 Формат 84×100/32
Усл.-печ. л. 21,45. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Книжники»
127018, Москва, ул. Образцова, д. 19, стр. 1, этаж 1.
Тел. (499) 754-5 0-05
E-mail: knizhniki@knizhniki.ru
Интернет-магазин: www.knizhniki.ru

Отпечатано в ООО «Возрождение»
117105, г. Москва, Варшавское шоссе, 37а.

ISBN 978-5-99530825-6

СОДЕРЖАНИЕ

БОРИС ЗАЙЧИК. <i>От составителя</i>	9
---	---

ДВЕ ГРАНИ ОДНОЙ СУДЬБЫ

БОРИС ЗАЙЧИК. Белая ворона профессор Соловей: заметки внука	15
ИЛЬЯ ДВОРКИН. Феномен Соловья и актуальная история советского еврейства	31
Беседы М. Г. Соловья с Ильей Дворкиным	46

ВОСПОМИНАНИЯ И СТАТЬИ МАНУИЛА СОЛОВЬЯ

Воспоминания	71
Врач на войне	140
Из истории здравоохранения царской России: свидетельства очевидца	171
Развитие идей единства и целостности организма в отечественной медицине	180

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ
О МАНУИЛЕ СОЛОВЬЕ И ВРЕМЕНИ,
В КОТОРОМ ОН ЖИЛ

МАРИС ГОЛДМАНИС. Крейцбург и Якобштадт в конце XIX и начале XX века: малая родина Мануила Соловья в историческом контексте	191
АЛЕКСАНДР ЛОКШИН. Исчезнувший мир: ешивы в Российской империи в XIX — начале XX века	208
ВАЛЕРИЙ ПЕТРОВ. Боткинская больница в 1930–1950-х годах. Заметки на полях воспоминаний М. Г. Соловья	235
ГЕННАДИЙ КОСТЫРЧЕНКО. Сталинское «дело врачей» и фантомный арест «еврейского националиста Соловей»	253

КОММЕНТАРИИ
МАНУИЛА (МЕНАХЕМА) СОЛОВЬЯ
К ТАЛМУДИЧЕСКИМ
ТРАКТАТАМ

(Перевод с иврита Я. Синичкина)

АВРААМ ВАЙНГОРТ, ЭЛИЯГУ ВАЙНГОРТ. Предисловие к комментариям Менахема Соловья	291
Комментарии к трактату <i>Авот де-рабби Натан</i>	305
Комментарии к трактату <i>Сангедрин</i> Вавилонского Талмуда . .	310
Комментарии к трактату <i>Хулин</i> Вавилонского Талмуда	318

КОММЕНТАРИИ
МАНУИЛА (МЕНАХЕМА) СОЛОВЬЯ
К ТАЛМУДИЧЕСКИМ
ТРАКТАТАМ

(Оригинальный текст на иврите)

АВРААМ ВАЙНГОРТ, ЭЛИЯГУ ВАЙНГОРТ. Предисловие	
к комментариям Менахема Соловья	ט
Комментарии к трактату <i>Горайот</i> Вавилонского Талмуда . . .	ט׳
Комментарии к трактату <i>Авот де-рабби Натан</i>	כ׳
Комментарии к трактату <i>Сангедрин</i> Вавилонского Талмуда . .	כ״
Комментарии к трактату <i>Хулин</i> Вавилонского Талмуда	כ״א
Комментарии к трактату <i>Бехорот</i> Вавилонского Талмуда . . .	כ״ב
Комментарии к трактату <i>Макот</i> Вавилонского Талмуда	כ״ג

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемое читателю издание посвящено памяти моего дедушки Мануила Григорьевича (Гершеновича) Соловья — врача и талмудиста, также известного в еврейских религиозных кругах как Менахем Соловей. Именно поэтому авторы статей сборника называют его по-разному.

При подготовке книги мне помогали религиозные деятели, историки, краеведы, архивисты, редакторы, а также родственники и друзья (в том числе и приобретенные во время работы над этим проектом). Считаю своим долгом перечислить всех и высказать им благодарность.

Прежде всего, я очень признателен философу Илье Дворкину (Израиль), который стал идейным вдохновителем проекта. Только благодаря его подвижнической деятельности и бесценным советам, а также его помощи в привлечении к работе над книгой многих высококлассных специалистов это издание выходит в свет.

Уникальный вклад в подготовку сборника к изданию внесли замечательный переводчик талмудических текстов Яков Синичкин (Израиль), удивительный *талмид хахам* Ури Суперфин (Израиль), историки Галина Зеленина (РГГУ) и Геннадий Костырченко (ИРИ РАН).

Издание книги было бы невозможным и без деятельного участия моей тети Галины Мануиловны Явич, предоставившей очень ценные документы из семейного архива.

Отдельную благодарность следует выразить Тамаре Бендицкой (Израиль) и Станиславу Шолохову за доступ к семейному архиву Ноя Бендицкого, племянника М. Г. Соловья. Предоставленные ими документы и фотографии позволили разгадать немало семейных и генеалогических загадок и получить новые сведения о жизни М. Г. Соловья.

В работе над книгой составителю была необходима помощь архивистов и специалистов по еврейской генеалогии. В связи с этим я очень благодарен Владимиру Палею за консультации и дружескую поддержку, а также Марии Вольфсон (Петербургский институт иудаики), Валерию Петрову (архив Городской клинической больницы имени С. П. Боткина), Елене Зборовской (Беларусь), Рите Богдановой (Латвия), Зане Алыке (Музей истории медицины имени Паула Страдыня в Риге) за помощь в получении информации из государственных и корпоративных архивов. Особая благодарность Яне Макаровой (Латвия) за поддержку, а также за креативные идеи и подходы, позволившие разгадать много архивных тайн.

При работе над этим томом составитель обращался за советами и помощью ко многим замечательным профессионалам и всегда получал поддержку. Я благодарен редакторам Наталии Овчинниковой, Виктории Рябцевой и Анне Авласович, ректору Петербургского института иудаики Дмитрию Эльяшевичу, заведующему кафедрой иудаики ИСАА МГУ Аркадию Ковельману, историку Александру Локшину (ИВ РАН), руководителю Отдела изучения Израиля и еврейских общин ИВ РАН Дмитрию Марьясису, руководителю Центра изучения Талмуда ИВ РАН Льву Городецкому, филологам Марине Тереховой, Елене Калло и Наталье Шурман, переводчику Стасу Могилевскому, издателю Якову Ратнеру, редактору и переводчику Менахему Яглому (Израиль), издателю Михаилу Гринбергу (Израиль), издателю Илье Иткину (Израиль), философу Ури Гершовичу (Израиль), лингвисту и переводчику Арье Ольману (Израиль), историку и краеведу Марису Голдманису (Латвия), историку Марине Гехт

(Латвия), историку и краеведу Иосифу Рочко (Латвия), переводчице Алин Розен (Израиль), врачу Эммануилу Любошицу (Израиль), Эстер Рахман (Израиль), директору Музея Рижского гетто Юлии Терещенко (Латвия).

В работе над книгой мне помогали близкие и дальние родственники, сообщившие много полезной информации. Это Барбара Амент (США), Илья Соловей, Цалерий Зайчик, Владимир Соловей (Израиль), Дэвид Вильсон (Великобритания), Илья Вовси (Израиль), Эли Левитан (Израиль), Терри Гольдштейн (США), Инесса Галанте (Латвия — Германия), Рина Шварцман (Израиль).

Значительную часть предлагаемой читателю книги составляют *хидушим* (комментарии) Менахема Соловья к Вавилонскому Талмуду, приведенные на иврите и в переводе на русский язык. Я искренне благодарен раввину Элиягу Вайнгорту (Израиль) за приведение этих комментариев в конвенциональный для подобного издания вид и раввину Аврааму Вайнгорту (Израиль) за написание предисловия к комментариям (при участии Элиягу Вайнгорта). Для возвращения памяти о Менахеме Соловье как о выдающемся знатоке Талмуда чрезвычайно много сделали раввины Бенцион Зильбер и Йегуда-Лейб Аврех из организации *Тольдот Йецурун* (Израиль). Их дружеская поддержка и теплые слова о моем дедушке очень помогли мне на всех стадиях этого проекта.

Мне очень приятно, что раввин Адольф Соломонович Шаевич также оказывал всяческое содействие изданию этой книги и поделился своими интересными и важными воспоминаниями о Менахеме Соловье.

От раввинов Ицхака Когана, Моше Тамарина, Цви Патласа (Израиль), Элиягу Тавгера (Израиль), Менахема Баркагана (Израиль — Латвия), Элиягу Эссаса (Израиль), Реувена Каплана (Израиль), Зеэва Вагнера (Израиль) я также получал поддержку и узнал много нового о герое нашего сборника. Огромное им за это спасибо.

Путь *хидушим* Менахема Соловья к читателю был долгим и непростым. И на этом пути бесценную поддержку оказал мне великий праведник раввин Адин Штейнзальц, светлой памяти. Рукописные и разрозненные комментарии дедушки в ученических тетрадях были систематизированы и введены в компьютер в Институте изучения иудаизма. Я на всю жизнь сохраню в памяти незабываемые встречи с великим раввином в ешиве *Мекор хаим* в Москве. Я также не забуду поддержку сотрудников *Мекор хаим* Давида Паланта и Хаима-Арона Файгенбаума.

Это издание выходит в свет с первыми *хидушим* дедушки, найденными в семейных архивах. В то же время продолжается работа над другими *хидушим*. Основная часть тетрадей с *хидушим* была вывезена из Советского Союза выдающимся американским раввином Пинхасом Тайцем, светлой памяти. Благодаря стараниям его детей — раввина Элазара-Майера Тайца, Элишевы Тайц-Гольдштейн, Шуламита Тайц-Эбнер и Ривки Тайц-Блау — удалось найти и спасти от забвения значительную часть рукописей, за что я им очень признателен. И эти новые тетради уже на пути к читателю. Уверен, что в этих поисках нас ждет еще много загадок и открытий.

И напоследок я оставил самые важные для меня слова благодарности. Я бесконечно признателен Светлане и Дине, любимым супруге и дочери, за их участие, помощь и долготерпение.

Борис Зайчик

ДВЕ ГРАНИ
ОДНОЙ СУДЬБЫ

Борис Зайчик
Белая ворона
профессор Соловей:
заметки внука

Собирая по крупичкам дедушкино наследие и прослеживая его биографию, я не раз замечал, что он — несмотря на свои выдающиеся достижения и заслуженное уважение коллег и знакомых — полностью не вписывался ни в одну из сред, в которых существовал, повсюду оставался одиночкой, этакой белой вороной. К этому образу я много раз мысленно возвращался и решил сделать его лейтмотивом статьи, открывающей посвященный дедушке том*.

Мой дедушка, Мануил Гершенович Соловей (1898–1985), был человеком выдающимся сразу в двух областях: замечательный врач и удивительный диагност, доктор медицинских наук, ученик и коллега выдающихся московских профессоров-медиков, таких как Р. А. Лурия и М. С. Вовси, он до начала медицинской карьеры был многообещающим молодым талмудистом, учился в шиве у раввина Хафец Хаима (1838–1933), крупнейшего

Борис Зайчик — специалист в области ИТ-технологий, переводчик, директор фонда «Любимый город». Внук М. Г. Соловья.

* Полагаю, здесь нет смысла излагать полную биографию М. Г. Соловья: читатель может ознакомиться с его подробными воспоминаниями и со статьей историка и архивиста Валерия Петрова, опубликованными в этом томе. — *Здесь и далее примечания автора статьи, если не указано иное. Примечания составителя и других, отмеченные цифрами, приводятся в конце каждой статьи.*

галахического авторитета своего времени, и на протяжении всей жизни сам писал комментарии к Вавилонскому Талмуду. Благодаря усилиям многих людей его *хидушим* сохранились — в отличие от других. Ведь комментарии к Талмуду в Советском Союзе писали еще по меньшей мере несколько ученых евреев его поколения, но где их сочинения, до сих пор неизвестно. *Хидушим* дедушки тоже непросто было найти. Его жизнь полна и других загадок, которые я уже многие годы стараюсь по мере сил разгадывать.

В начале автобиографии, написанной в сентябре 1949 года и хранящейся в архиве Боткинской больницы в Москве, дедушка рассказал о детских и юношеских годах так:

Родился в семье рабочего портного. До 18 л[ет] не учился вследствие бедности в семье. В 12 лет ушел из дома, работал в гор[оде] Двинске в качестве сторожа на скобяном складе, питался по дням в различных домах.

Соответствует ли этот классово безупречный портрет мальчика-пролетария истинному положению дел?

Семья действительно была небогата, однако родственники со стороны матери, Шейтел-Гени Соловей, урожденной Зхус, достаточно состоятельные, помогали в случае необходимости. О такой помощи дедушка много раз косвенно упоминает в воспоминаниях. Семейство Соловей-Зхус было многочисленным и разветвленным, десятки близких родственников разъехались по всему миру и уже в 1910–1920-х годах оказались кто в «буржуазной Латвии», кто в «фашистской Румынии», кто в Америке — как, например, родной дядя дедушки Цалка Соловей, превратившийся в США в преуспевающего промышленного дизайнера Чарльза Найтингейла, — и даже в Южной Африке. В личном листке по учету кадров, приложенном к автобиографии, никаких упоминаний о родственниках за границей, разумеется, не содержится.

Утверждение, что он не учился, также нуждается в комментарии. В мемуарах дедушка пишет, что на момент революции он...

...считался безграмотным. А как же иначе назвать человека, который плохо читает по-русски и ни писать, ни говорить не умеет. На самом деле, однако, это было не совсем так. С детства я отличался жадной знаний. Меня всегда интересовало — что, как и почему. Тянуло к изучению окружающей природы. В детстве я однажды нашел дохлую кошку. Я ее вскрыл жестяной, чтобы посмотреть внутренности. <...> И Талмуд меня привлекал идеями и необходимостью решать подчас головоломные задачи. Я охотно изучал творения средневековых еврейских философов: Маймонида, или Рамбама, Ибн-Эзры и других. Будучи в Москве, я читал на еврейском языке «Этику» Спинозы в переводе Рубина, «Историю развития человеческой культуры» в переводе Фришмана, «Развитие западной цивилизации» и другие книги. После этого нельзя, конечно, назвать меня безграмотным.

В детстве дедушка помимо обычных занятий в хедере изучал с меламедом Талмуд. Обладая фотографической памятью и пытливым умом, он добился впечатляющих успехов, так что по всей округе о нем пошла слава как о знатоке Талмуда, юном «илуе из Крейцбурга». Затем он учился в трех ешивах, в том числе в Радуни (Радине), где и стал любимым учеником основателя ешивы Хафец Хаима. Религиозное образование было прервано в годы Первой мировой войны. Вслед за родителями переехав в Москву, после революции дедушка сам освоил программу средней школы и, памятуя, как остро его семья и все бедняки в его городе нуждались в квалифицированной медицинской помощи, решил стать врачом и поступил на медицинский факультет 2-го МГУ. Однако талмудические штудии не прошли бесследно: всю жизнь, в том числе и во фронтовых госпиталях в годы Великой Отечественной войны, дедушка работал над комментариями к Талмуду. Моя тетя Галина Мануиловна, младшая дочь дедушки,

помнит, как в январе 1946 года он — майор медицинской службы — вернулся из армии с авоськой красных яблок и рюкзаком с тетрадками *хидушим* и малоформатными изданиями *Гемары*.

Я и сам имел возможность наблюдать эту работу. Я жил с дедушкой в одной квартире — коммунальной, на Сретенке — до девяти лет. Каждый день он приходил с работы, обедал, сидя под черным настенным телефоном, который меня тогда почему-то очень занимал, ложился отдохнуть, потом вставал и садился за письменный стол. Я хорошо помню дедушкин стол, заваленный старинными еврейскими книгами, и его самого, постоянно склоненного над своими рукописями с непонятными для меня буквами. Меня также очень удивляло, почему он пишет справа налево. В 1966 году мои родители получили новую квартиру, но мы с мамой часто навещали бабушку с дедушкой, особенно когда они тоже переехали и поселились недалеко от нас. Дедушка уже вышел на пенсию и был не очень здоров, но трудился над *хидушим* каждый день, как и прежде. Ни на что бытовое, житейское он старался не отвлекаться. В 1983 году дедушка с бабушкой по семейным обстоятельствам переехали в Ленинград, мы перестали часто видеться, и связь между нами как-то расстроилась. А в 1985-м он умер.

Незадолго до его смерти дедушку в Ленинграде навестила моя мама. Она передала мне составленную с его слов записку, что важные талмудические труды дедушки переправлены за границу и находятся у некоего раввина в США — в городе Элизабет, штат Нью-Джерси. Даже имени этого раввина указано не было. И несколько лет я просто помнил об этом как о семейной легенде, но ничего по этому поводу не предпринимал, даже не знал, с какого конца подступиться. А потом началась цепь неслучайных случайностей.

Однажды, оказавшись на Патриарших прудах, я встретил симпатичного религиозного еврея, который явно что-то искал. Я решил ему помочь, мы разговорились. Он оказался раввином, его звали Цви Патлас, и шел он в синагогу на Большой Брон-

ной к Ицхаку Когану. Я уже был знаком с этим замечательным раввином. Рав Коган в бытность свою отказником в Ленинграде встречался с дедушкой, но ничего конкретного, кроме слов восхищения его эрудицией и знанием Талмуда, сказать не мог. Цви Патлас упомянул, что раввин Ицхак Зильбер (1917–2004), светлой памяти, один из лидеров еврейского религиозного движения в Советском Союзе, уехавший в Израиль в 1972 году, часто рассказывал своему окружению об ученом и раввине Соловье из Москвы, который писал интересные комментарии к Талмуду.

Я сообщил об этом разговоре родителям, которые уже жили в Израиле, и папа решил связаться с Зильбером. Тот был болен и не подходил к телефону, но, узнав, что интересуются рукописями Соловья, все же взял трубку и очень тепло отозвался о дедушке. Сказал, что встречался с ним, когда приезжал в Москву, и дедушка просил вывезти за границу его *хидушим*, но бабушка Бася категорически воспротивилась, поскольку считала это опасным. Дедушка уступил. «Не драться же мне с ней», — сказал он Зильберу.

Значит, дедушка хотел сохранить свой труд и искал канал, чтобы переправить его за рубеж. В 1970-х годах он расспрашивал главного раввина Москвы и Московской хоральной синагоги Адольфа Шаевича о приезжающих иностранцах, не раскрывая при этом причины интереса. Как впоследствии рассказывал сам Адольф Соломонович:

...Потом вдруг меня удивил: стал приходиться и спрашивать про раввинов... В то время регулярный проезд раввинов был очень ограничен. Разрешали троим раввинам регулярно приезжать: это раввин Артур Шнайер из Нью-Йорка, раввин Шехтман, светлой памяти, из Канады и раввин Тайц, тоже светлой памяти. Вот они втроем регулярно приезжали в Советский Союз и, естественно, большую часть времени проводили в синагоге. И вдруг он стал приходиться ко мне и про них расспрашивать: кто они, что они собой представляют, кому можно доверять, кому нельзя доверять... Но я не мог понять смысл его интереса к этим раввинам.

И только буквально недавно... я понял, что его волновало. Тогда я ничего [не знал о рукописях]. Он об этом совершенно не говорил. В то время чем меньше информации, тем спокойнее, и лучше, и надежнее. Поэтому он и о том, что он вообще пишет, не говорил ни разу. Тем более о том, что собирается как-то их [рукописи] переправить с надежным источником, для того чтобы они сохранились и были опубликованы...

Позже я понял, что дедушка стал искать через раввина Шаевича новый канал вывоза своих рукописей, когда его еврейское окружение поредело: многие эмигрировали в Израиль, да и сам он стал менее мобилен. В итоге раввин Пинхас Тайц, светлой памяти, который десятки раз приезжал в СССР, вывез на Запад поздние дедушкины комментарии 1970–1980-х годов — я их так датую, потому что они были записаны в школьных тетрадях, выпущенных в 1970-х.

Тогда, в конце 1990-х, я удостоверился, что у семейной легенды есть какие-то основания, и начал поиски. Сначала моя тетя нашла в архиве дедушки — среди еврейских религиозных книг — 13 школьных тетрадок, исписанных на иврите крайне неразборчивым почерком. Я долго искал компетентных людей, способных помочь мне прочесть эти тетради, но не преуспел в этом деле, пока мой хороший знакомый Хаим-Арон Файгенбаум не устроил мне встречу с выдающимся раввином Адином Штейнзальцем, светлой памяти, который тогда часто приезжал в Москву в ешиву *Мекор хаим*. Великий знаток Талмуда пообещал расшифровать тетради ровно за восемь недель. Так и произошло; я получил компьютерную версию первых 13 тетрадей. Я понимал, что даже с этими текстами предстояло еще очень много работы, чтобы привести их в конвенциональный для талмудического комментария вид, и подбирал специалистов, а также искал выход на семью раввина Тайца.

В процессе этих поисков я купил автобиографическую книгу Ицхака Зильбера «Чтобы ты остался евреем», и она сразу

чудесным образом открылась на главе о «профессоре медицины по фамилии Соловей». Предыдущая глава была об Айзике Красильщикове, «*гаоне* из Полтавы», который всю жизнь писал комментарии на Иерусалимский Талмуд, складывал их под подушку и перед смертью сумел договориться, чтобы их вывезли и издали. Зильбер рассказывает, как американский раввин Цви Бронштейн, часто посещавший Советский Союз, в один из приездов по просьбе московского раввина Левина навестил Красильщикова в больнице.

Красильщиков умирал. Он сказал Бронштейну, что написал комментарий к Йерушалми, и объяснил, где его искать. Взял Бронштейна за руку:

— Найди мои рукописи и издай.

Через час он умер.

Кое-что было спрятано в больнице под подушкой, остальное Бронштейн с трудом и риском нашел. Это его заслуга, что рукописи найдены и изданы.

Комментарии Красильщикова были изданы в Бней-Браке и стали общеизвестными нормативными комментариями к Иерусалимскому Талмуду. Рав Зильбер не случайно поместил главу о дедушке сразу после главы о Красильщикове, тем самым сближая и уравнивая этих ученых, сходство которых не ограничивалось глубиной их познаний: оба работали над *хидушим* втайне, оба хотели переправить свои труды за границу и привлекли к этому американских раввинов, обоих — ради конспирации — называли в религиозных кругах по имени жены (муж такой-то) и тому подобное. Но Красильщиков был старше дедушки и умер в 1965 году. Дедушка же оставался в Москве и, вероятно, во всем Союзе крупнейшим знатоком Талмуда. Как утверждают Ицхак Коган, Элиягу Эссас и другие, к концу 1960-х годов во всем Советском Союзе, то есть на всей территории, населенной «евреями молчания», не было другого такого *дуля*. Еврейский активист,

раввин отказников Эссас вспоминает, с какой легкостью дедушка его консультировал:

Несколько раз ему звонил по телефону, когда мне надо было какое-то место в Талмуде узнать или комментарий. Он прямо на месте выдавал сразу: это там, такой-то лист — и тут же цитировал комментарий Раши к этому месту. Что, неплохо, правда? Это было на самом деле, это со мной было, я свидетельствую.

Илья Дворкин, один из пионеров еврейского возрождения в Ленинграде, был под таким впечатлением от рассказов о дедушкиных познаниях, что решил его испытать:

Говорили, что Соловей знает наизусть не только весь Талмуд и комментарии к нему, но и ряд более поздних галахических постановлений (*поским*), а заодно и 16 томов Еврейской энциклопедии Брокгауза и Ефрона... Говорят, когда у другого ученика Хафец Хаима, раввина Аврома Меллера, который жил в Москве, возникали трудности с какой-то талмудической проблемой, он звонил Соловью, и тот всегда указывал ему нужный фрагмент и давал объяснение... Я как-то решил проверить, правда ли это, и задал реб Менахему какой-то экзотический вопрос по *Галахе*. Сам я был подготовлен и знал, где в Талмуде разбирается эта тема. Ни на секунду не задумавшись, Соловей начал цитировать мне нужное место и разъяснил ситуацию. Потом разъяснил вопрос с точки зрения более поздних комментаторов, но и на этом не остановился и стал разбирать ситуацию в контексте житейского опыта.

К дедушке многие обращались за помощью, его знали и очень ценили. Чем дольше я занимаюсь дедушкиным наследием, тем больше встречаю людей из круга *баалей тишва*, встречавшихся с дедушкой и говоривших с ним о Талмуде или слышавших о нем от учителей. Элиягу Эссас, Реувен Каплан, Моше Тамарин и многие другие помнят «профессора Соловья». Строго говоря, дедушка не

был профессором, но так его называли — как ученого и крупного знатока Талмуда. Мне очень дороги воспоминания этих раввинов об их встречах с дедушкой и восторженные отзывы о нем.

В 2019 году меня познакомили с Ильей Дворкиным, который как раз в то время публиковал в журнале «Лехаим» серию мемуарных очерков «Еврейские старики поколения тшувы». Номер журнала с очерком о дедушке вышел буквально за день до нашего знакомства. Я понял, что Илье история жизни дедушки очень интересна, и мы решили сделать из уже найденных фрагментов *хидушим* текст, готовый к изданию. Илья Дворкин принял самое живое участие в дальнейшей организации работы, нашел нужных редакторов, консультантов и *талмид хахамов*, предложил концепцию проекта. И дело пошло!

Дворкин связался с одной из дочерей покойного раввина Пинхаса Тайца, и она нашла в архивах отца вывезенные тетради — пять, потом еще четыре, а затем еще семь, причем это были комментарии уже не только к Вавилонскому Талмуду, но и к Торе. Впоследствии я познакомился со всеми тремя дочерьми рава Тайца — Ривкой, Шуламит и Элишевой — и его сыном Эльзаром, все они помогали в поисках тетрадей. И я уверен, что обнаружатся и другие тексты, но, пока не все они найдены, тем более — расшифрованы и переведены, я решил издать сборник, посвященный дедушке и его наследию, который бы включал часть его комментариев к Талмуду, его воспоминания и ряд исследовательских статей. Этот сборник вы сейчас держите в руках.

Соединяя в своей личности и деятельности эти два мира — мир медицины и мир иудаизма, — дедушка полностью не принадлежал ни одному из них. Я уже писал, что назвал бы его «белая ворона профессор Соловей». Среди врачей он нередко выглядел белой вороной, потому что не стремился делать карьеру и ориентировался прежде всего на еврейский круг и еврейские ценности. Среди

раввинов же он был чужим, поскольку не мог забыть о врачебном долге и нужды пациентов ставил выше требований *Галахи*.

Светлый шатен с голубыми глазами, дедушка был чрезвычайно обаятелен и доброжелателен, пациенты очень его любили. Память о дедушке до сих пор хранят многие заслуженные врачи, давным-давно ординаторами пришедшие в Боткинскую больницу, ведь он проработал в ней более 40 лет. Дедушка был блестящим врачом и талантливым диагностом, все — семья, друзья, московские хабадники, знакомые в Риге — обращались к нему за советом и полагались на него. Дедушка был надеждой всех этих людей, как в старые времена выдающиеся земские доктора. Однажды моя сестра отправилась с одноклассниками в поход, выпила там воды из родника и тяжело заболела. Опухли все лимфоузлы, анализы были ужасные, думали, что это острый лимфолейкоз. Дедушка тогда был в отпуске. Как только удалось с ним связаться, он тут же сказал, что это инфекционный мононуклеоз и все пройдет. Так и вышло.

Дедушка входил в круг лучших московских врачей и ученых-медиков. Он был любимым учеником Романа Альбертовича Лурии и Мирона Семеновича Вовси, дружил с Николаем Адольфовичем Шерешевским, Яковом Львовичем Рапопортом, Яковом Гиляриевичем Этингером и другими. Многие его учителя, старшие коллеги и друзья стали фигурантами «дела врачей». Кроме того, дедушка был дружен со многими членами Еврейского антифашистского комитета — например, с актерами ГОСЕТа Соломоном Михоэлсом и Вениамином Зускиным. Моя мама прекрасно помнила посиделки с Давидом Бергельсоном, Самуилом Галкиным, Давидом Гофштейном. В годы сталинских антисемитских кампаний, когда на всю страну гремели дело ЕАК и «дело врачей», друзья дедушки и сам он, по воспоминаниям мамы, запирались в самых дальних комнатах, насколько это позволяли квартирные условия, и с оглядкой на соседей жгли документы. Возможно, тогда была уничтожена часть *хидушим*, написанных в 1920–1940-х годах. Очевидно, дедушке также была

уготована судьба «врача-вредителя», играющего роль связного с сионистами и раввинами-клерикалами (см. об этом статью Г. В. Костырченко в настоящей книге), и то, что волна арестов обошла его стороной, — это чудо. Я считаю, что Всевышний спас дедушку, так как он был гораздо ближе к вере, чем многие другие врачи-евреи, проходившие по этому делу.

При всех достижениях дедушка был исключительно скромн, прост в общении и совершенно лишен тщеславия и «профессорской стати». Самоотверженно исполняя свой врачебный долг, он и на фронте оставался белой вороной: не стремился выслужиться, плохо выполнял строевые команды, брал на себя ответственность за неординарные решения, спасая жизни солдат, а в рюкзаке хранил *Гемару*, чтобы в свободную минуту продолжить работу над *хидушим*. В конце войны дедушка как заведующий специальным терапевтическим отделением для высшего состава лечил многих генералов, но никогда ничего не просил — ни наград, ни званий. При этом, как он вспоминает во фронтовых мемуарах, ему доводилось много беседовать с этими высокопоставленными военными, в частности с начальником контрразведки 52-й армии генерал-майором Ф. А. Агеенковым — они «часами просиживали», «разговаривали до полуночи». Тот же Агеенков давал дедушке пользоваться своим автомобилем, а впоследствии подарил ему трофейный двухтомник Адольфа Когута *Berühmte Israelitische Männer und Frauen in der Kulturgeschichte der Menschheit* («Знаменитые еврейские мужчины и женщины в мировой культуре») 1911 года издания. В этих интеллектуальных контактах дедушки с начальством мне видится продолжение традиции «ученого еврея при губернаторе», имеющей на самом деле более глубокие корни — библейские и средневековые: вспомним Иосифа Прекрасного или Маймонида — придворного врача и еврейского мудреца. Не случайно одна из работ дедушки, пока не найденная, посвящена наследию Маймонида.

Участник войны, доктор наук, автор многих научных трудов и изобретений (в медицинских учебниках прошлого века упоми-

нается «олива» доктора Соловья для забора желудочного сока), дедушка не сделал блестящей карьеры. Его докторскую диссертацию с трудом пропустили — из-за мести завистников. Он был беспартийным, и перспектив получить ставку на какой-либо кафедре в столице у него не было. Несколько раз ему предлагали места в других городах, но бабушка категорически не хотела уезжать из Москвы, да и сам дедушка опасался, что в провинции он не сможет участвовать в еврейской религиозной жизни.

В дедушке был еврейский стержень, и поэтому он всегда оставался немного отчужденным от советской действительности. Он никогда не праздновал ни 1 Мая, ни 7 Ноября, ни Новый год, и я с раннего детства воспитывался в том убеждении, что мы немножко другие, не совсем «советские». Елка в моем доме появилась в первый раз, когда моей дочери исполнилось три года.

Я думаю, что эта еврейская сторона жизни мешала ему полностью погрузиться в мир медицины и науки — особенно в последние годы. Насколько я могу судить, с начала 1970-х еврейство и иудаизм значили для него все больше, медицина отошла на второй план, и он все силы старался отдавать Талмуду.

Как и в случае с *хидушим*, вывезенными раввином Тайцем, другое семейное предание — что дедушка был любимым учеником Хафец Хаима — тоже, видимо, отражает истину. Только дедушка знал — и упоминал в воспоминаниях и беседах — некоторые подробности из жизни своего учителя, не освещенные в других источниках. Он неизменно восторженно о нем отзывался, и над письменным столом всегда висел портрет Хафец Хаима с очень теплой дарственной надписью, которую во время «дела врачей» бабушка пыталась соскоблить, но не смогла.

По складу характера, ценностям, поведению дедушка сохранил верность идеям своего великого учителя и был очень скромным человеком, чуждым тщеславию и мирским благам. Сам настоящий бессребреник и аскет в быту, проживший почти всю жизнь в коммунальной квартире, он всегда стремился помочь ближнему, поднимал семьи умерших братьев, поддер-

живал семью сестры. Едва получив диплом врача, поспешил дать объявление, что по адресу Панкратьевский переулок, дом 2, квартира 3б принимает терапевт Соловей, — и сразу же стал регулярно лечить членов еврейской общины. На протяжении всей дедушкиной жизни к нему домой за медицинской помощью приходили евреи-артельщики, хабадники, благообразные длиннородые старики с грустными глазами, которые были со мной неизменно ласковы и гладили меня по голове, обязательно угощали конфетами. Дедушка не только бесплатно лечил нуждающихся, но и поддерживал деньгами тех, кто все потерял во время Холокоста, однажды даже отдал свой единственный костюм.

Племянник дедушки Владимир Соловей после репатриации в Израиль в конце 1980-х годов оказался в Кфар-Хабаде и там случайно выяснил, что выходцы из Советского Союза дедушку помнят и любят:

Однажды я разговорился с большой группой хабадников, достаточно давно приехавших из России. И я сказал им, что у меня родной дядя был талмудистом и врачом. «Доктор Соловей», — говорю. Один из присутствующих подскочил и воскликнул: «Доктор Соловей? Твой дядя? Да это же наш любимый хабадский доктор! Он нас всех во многих поколениях лечил!» И все остальные закивали и заулыбались. Он лечил блестяще и, разумеется, никогда никаких денег за лечение не брал.

Еще одна семейная легенда гласила, что хабадники провожали дедушку на фронт. Увидев толпу бородатых мужчин, военизированной охраны Белорусского вокзала испугалась, решив, что это немецкий десант, вырядившийся в русских мужиков, и всех задержала.

Дедушка общался не только с хабадниками-артельщиками, волею судеб оказавшимися в Москве, где было больше возможностей получить надомную работу и соблюдать *шабат*. Он очень

дружил с главным раввином Москвы Шлойме Шлифером, светлой памяти, — дружили даже семьями, и эта дружба продолжилась в следующих поколениях. Лейбу Левина, светлой памяти, занявшего пост главного московского раввина после смерти Шлифера в 1957 году, дедушка тоже хорошо знал, возможно, еще по ешиве в Слободке, где недолго учился. Как гласит семейное предание, которое, впрочем, подкреплено воспоминаниями современников, в 1971 году, после смерти раввина Левина, в общине хотели предложить этот пост дедушке, но он отказался — по понятным причинам этического характера. Дедушка не мог быть духовным наставником и в то же время докладывать по инстанции, иными словами, идти на неприемлемые для него компромиссы с безбожной властью, что были вынуждены делать раввины в то время. Но само это предложение показывает, что дедушку очень уважали и считали одним из самых выдающихся талмудических авторитетов.

Однако, несмотря на глубочайшие познания, авторитет и дружбу с раввинами и членами общины, дедушка и в еврейской религиозной среде выделялся: был недостаточно «кошерен». Например, он не соблюдал субботу из-за своих врачебных обязанностей. По воспоминаниям Адольфа Соломоновича Шаевича, дедушка объяснял это так:

У меня совсем другая ситуация, все-таки я врач, даже в Израиле врачи работают по *шабатам*, так что тут мне, конечно, сам Б-г велел. Если выпадает мое дежурство и нужно срочно что-то в больнице, то я, конечно, никогда не отказывал.

Дедушка регулярно посещал синагогу, молился в малом зале, слушал галахические споры между синагогальными «старцами»: Гейче Виленским, Авромом Меллером, с которым вместе учился в Радунской ешиве и потом дружил всю жизнь, и другими — но никогда в эти споры не вступал, хотя ему было что сказать. Как вспоминает раввин Шаевич,

...у нас обычно после молитвы садились изучать Талмуд, и такие споры возникали, чуть ли не до драк. Он [Соловей] тоже несколько раз, я вот помню, сидел, никогда не вступал, сидел слушал. Потом, через день-другой, он приходил ко мне в кабинет, брал с полки какой-нибудь том Талмуда и говорил: «Помните, о чем речь шла? Вы как, согласны?» Я ему говорю, честно, вы знаете, поскольку большая часть спора шла на идише, которым я вообще не владею, то я, конечно, не очень в теме того, о чем они спорили. И он брал том Талмуда, находил страницу — безошибочно, мгновенно, — открывал, читал и рассказывал, о чем был спор и как, по его мнению, все-таки правильно. Я потом эту версию пересказывал раввину Шварцблату или тому же раву Аврому, и они: «Почему он не [сказал], он же сидел там!» Я говорю, он не любитель споров, не хотел вылезать. Потом я спросил все-таки один раз: «Отчего вы никогда не участвуете?» Он говорит: «Да это может продолжаться до вечера, а у меня каждый час на счету, я не могу там сидеть часами. Конечно, я их понимаю, они там пришли утром и вечером уходят, могут спорить сколько угодно».

Дедушка был верен своему еврейству, но бесконечно одинок в этом: в семье ему было трудно говорить о своих *хидушим*. Никто не понимал, зачем он их пишет, для кого они могут представлять интерес, бабушка всегда была решительно против любой религиозной деятельности, считая ее крайне опасной в советских условиях. Я думаю, дедушка очень обрадовался, когда к нему стали приходиться *баалей тшува*, религиозные отказники, с которыми он наконец мог поговорить на важные для него темы.

Хотя его имя было Мануил, в семье дедушку звали Менахем, Мнахем, да он и сам чаще так себя называл. И именно этим именем — Менахем Соловей — он подписывал все свои религиозные труды. А я этого имени выговорить не мог и переименовал его по-своему:

Намах, Намахок. И так дедушку стали ласково называть все внуки и другие родственники. Он никогда не занимался воспитанием детей систематически и не вдавался в подробности их жизни, но был очень добрым и ласковым отцом и дедом.

Я был его любимым внуком. Бабушка и дедушка всегда гордились моими успехами, моими достижениями в учебе. Дедушка считал, что я похож на него по характеру, а я думаю, что он по сей день меня ведет, оберегает от бед и ошибок.

Когда дедушка с бабушкой переехали в Ленинград к младшей дочери, моя мама их там навещала. Дедушка продолжал писать комментарии, но это давалось ему все тяжелее. И однажды мама спросила его, как ему кажется, не зря ли он всю жизнь просидел за религиозными книгами и кому это будет интересно. Дедушка был не в настроении и стал жаловаться, что ему теперь вообще не разрешают долго сидеть за письменным столом (а он уже падал от слабости со стула), а раз так, жизнь потеряла всякий смысл и то, чем он занимался, никому не будет нужно. «Но, — сказал он, — возможно, пройдет время, и лет через 30 это станет интересно моему старшему внуку (то есть мне. — Б. З.). И если он займется этим, Всевышний будет дуть ему в паруса».

Так и случилось. Дедушка оказался прав.

Илья Дворкин

Феномен Соловья и актуальная история советского еврейства

Казалось бы, человек, который верит в чудеса, не может заниматься историей, но тот, кто в чудеса не верит, тем более заниматься историей не должен. История — это проникновение в прошлое, в то, чего уже нет, о чем зачастую не осталось даже памяти, но благодаря историческому исследованию прошлое становится актуальным. Ведь в чем задача историка, если не в том, чтобы восстановить непрерывность человечества во времени, временную целостность человеческого существования. История, как и природа, любит скрываться. Как и в случае с природой, это не проявление злонамеренности Б-га, а особый род Его милости. Забвение, как и вспоминание, осуществляет животворящую связь времен. Но историческое исследование позволяет прорваться сквозь забвение, восстановить утраченную временную преемственность. Как известно, философ Фридрих Шлегель считал историка пророком, обращенным в прошлое. История предполагает разрыв с метафизикой, встречу с миром по ту сторону бытия. В результате обращения к прошлому нынешний мир обновляется. Порой такое обновление вызывает разрушение и хаос, но

Илья Дворкин — философ и деятель еврейского образования, сотрудник Центра Чейза Еврейского университета в Иерусалиме, создатель и в 1989–1998 годах ректор Петербургского еврейского университета.

во многих случаях оно подобно глотку чистого воздуха и приносит исправление и восстановление справедливости. Таким, я надеюсь, будет и наше исследование жизни и деятельности Мануила Гершеновича Соловья.

Это исследование рассматривает судьбу советского еврейства на примере жизни одного конкретного человека, которому было 19 лет, когда в России произошла революция, и который умер в год начала перестройки. Соловей не был личностью исторической, он не оказал влияния на внешнюю или внутреннюю политику своей страны. Это был скромный труженик, который работал всю свою жизнь, с детства и до последних дней. Не был он и типичным представителем своей группы — советской еврейской интеллигенции, его пример нельзя экстраполировать на других. Почему же я считаю его судьбу важным предметом актуального исторического исследования? Жизнь Мануила Соловья помогает понять исторический процесс. Феномен Соловья можно охарактеризовать талмудическим принципом: «Предмет, который соответствовал правилу и вышел за пределы правила, не ради самого себя вышел, а чтобы научить нас о правиле, вышел». Но чему конкретно может научить нас история Соловья? Возможно, она поможет нам иначе взглянуть на наше прошлое, а следовательно, изменить наше настоящее и будущее. Этот процесс всегда похож на чудо, и, кстати, в изучении наследия Соловья и подготовке его трудов к публикации нам с самого начала помогали чудесные совпадения.

О моем знакомстве с Мануилом Соловьем и проекте по изучению его наследия

Прошло уже почти 40 лет с того момента, когда зимой 1985 года я впервые переступил порог дома Мануила Гершеновича Соловья. В тот день мне позвонил *шамес* ленинградской синагоги Авром-Абба Эздрин и сказал, что рядом со мной живет пожилой еврей, который знает наизусть Талмуд и нуждается

в моей помощи. Естественно, я сразу пошел по названному адресу. В просторной комнате сидела дама лет 80, прекрасная и величественная. Она объяснила, что ее муж, у которого парализована половина тела, упал, передвигаясь по комнате, и не может подняться. Я тут же помог хозяину дома встать и усадил его в кресло. При таких странных обстоятельствах я познакомился с одним из самых удивительных людей из всех, с кем мне довелось иметь дело.

Мануил Гершенович был плотный и крепкий на вид старик. Его тело начало отказывать, но интеллект работал великолепно. Я, конечно, был очень рад знакомству и сразу стал расспрашивать его о Талмуде, о его молодости и дальнейшей судьбе. Он охотно согласился отвечать на любые вопросы. Я спросил, правду ли говорят, будто он знает наизусть Талмуд. Он улыбнулся и сказал, что не только Талмуд, но и все основные комментарии на него, а также многое другое, включая 16-томную Еврейскую энциклопедию Брокгауза и Ефрона. При этом в его словах не было никакой позы или бахвальства. Он говорил об этом как о чем-то совершенно естественном и даже с юмором. Меня это удивило, но я слышал о талмудических гениях и спросил его, где он учился. Он попросил меня открыть ящик письменного стола и, когда я вытащил оттуда фотографию некоего почтенного раввина, сказал мне: «Вы знаете этого человека?» И тут же сам ответил: «Это Хафец Хаим, он мой учитель. Я прошел через несколько ешив, продвигаясь в изучении Талмуда, и в результате оказался его учеником. Когда я пришел к нему, то думал, что он сразу начнет меня экзаменовать, очень волновался. Но он только покормил и отправил спать...»

Соловей действительно оказался талмудическим гением — я очень скоро в этом убедился. Я заготовил вопрос, касающийся одного трудного места в Талмуде. Он отвечал на очень серьезном уровне, наизусть цитировал и сразу переводил нужные отрывки и вообще демонстрировал глубочайшую погруженность в талмудический текст. О его невероятных познаниях мне говорили

несколько человек. В частности, рассказывали, что, когда у рава Аврома Меллера, литвака и тоже ученика Хафец Хаима, возникали какие-то трудности, он звонил Соловью и тот немедленно их разрешал.

В течение нескольких месяцев я приходил в дом Мануила Гершеновича и его жены Баси Борисовны почти каждый день, мы много разговаривали. Я расспрашивал его о детстве, об учебе в ешивах, о работе. Несколько бесед мне удалось записать на магнитофон, и некоторые из них опубликованы в этой книге. Передо мной постепенно вырисовывалась удивительная картина жизни. Как у многих советских евреев, у Соловья было два имени: его звали реб Менахем бен Ѓирш (именно так он подписывал свои религиозные труды) и Мануил (Мана-Элья) Гершенович. И жизнь он вел двойную. На работе был доктором медицинских наук, советским врачом высшей категории, дома — евреем-талмудистом, погруженным в проблемы Торы. Эту свою двойную жизнь он принимал с юмором. Когда я однажды спросил, как к нему относились на работе, он ответил, что с большим уважением. И показал статью о себе, опубликованную в одной из центральных газет. Я погрузился в чтение, но он меня прервал и указал на самый конец текста. Там было написано: «Особо важно подчеркнуть, что Мануил Григорьевич*

* В личных документах М. Г. Соловья, хранящихся в архивах, а также в его научных трудах имя и отчество написаны по-разному. В дипломе об окончании медицинского факультета 2-го МГУ в 1927 году он назван Мана-Элья Гершеновичем Соловей, так же и в характеристике, подписанной главным врачом Боткинской больницы А. Н. Шабановым в 1960 году. В монографии «Желудок и почки» (М.: Медгиз, 1940) автор указан как Мануил Григорьевич Соловей, а в книге «Желудок и нарушение обмена» (М.: Медицина, 1969) — как Мануил Гершенович Соловей. В автореферате диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук «Клинические и экспериментальные материалы о роли желудка в обмене веществ» (Министерство здравоохранения СССР, Центральный институт усовершенствования врачей, 1959) соискатель указан как Мануил Григорьевич Соловей. Тем не менее, несмотря на такую путаницу, можно предполагать, что имя и отчество Соловей официально не изменял и оставался Мана-Элья Гершеновичем; это, например, подтверждает свидетельство о смерти.

происходит из бедной рабочей семьи и научился читать и писать по-русски уже взрослым человеком». Видя мое недоумение, реб Менахем* улыбнулся: «Ну да, это правда, по-русски! Но тут не сказано, что к этому времени я кроме идиша свободно читал и писал на иврите, арамейском, немецком и учил латынь».

С таким же юмором он рассказывал мне, как поступал в Московский университет. Поскольку он никогда не учился в школе, ему требовалось сдать все предметы экстерном. Он серьезно подготовился и все сдавал на пятерки. Но на экзамене по литературе случился небольшой казус. Преподаватель подошел к нему и сказал:

— Я вам поставлю пятерку, но скажите — как вам удалось списать? У меня это никогда не проходит!

— Я, честное слово, не списывал!

— Но я проверил. Вы все первоисточники и критические статьи Добролюбова, Белинского цитируете точно по тексту!

— Учитель, но ведь я их читал! — только и сказал Соловей.

Фотографическая память сочеталась у него с блестящими аналитическими способностями. И то и другое, конечно, важно и в карьере врача. Но как уживались в одном человеке раввин и врач? Я, конечно, знал, что в Средние века были такие сочетания. И Маймонид, и рабби Йеѓуда ѓа-Леви были врачами. Но сейчас и в Советском Союзе! Я спросил реб Менахема, что он думает о средневековой еврейской медицине, например о Маймониде. Он сказал, что с медицинскими трактатами Маймонида хорошо знаком, да и сам комментировал медицинские темы в Талмуде. «А что стало с этими комментариями?» — спросил я. «Наверно, опубликованы где-то в Америке или Израиле», — ответил он. На самом деле талмудические комментарии Соловья опубликованы не были, но в Америку их вывезли, хотя и не все. Речь о них впереди.

* Надеюсь, читатель простит некоторый разнобой в именовании героя моего повествования. Далее я буду называть его так, как это принято в религиозных кругах: реб Менахем или Менахем Соловей.

Подобная двойная жизнь — советского человека и еврея-талмудиста — была самым характерным моментом в судьбе Менахема Соловья. Но не только его, а и множества других людей. Разумеется, эта двойственность по-разному проявлялась в разных случаях, но всегда свидетельствовала об иллюзорности советского мифа. Чтобы он полностью исчез, было достаточно перестать в него верить, и в реальности проступало нечто совершенно иное.

С того времени прошло много лет, и вот в 2019 году в одном из номеров журнала «Лехаим» я опубликовал свои воспоминания о Менахеме Соловье. Произошло чудо. В тот самый день, когда вышел этот номер, но без всякой связи с этим событием мой друг, философ и исследователь Талмуда Ури Гершович сообщил мне, что к нему обратился внук Менахема Соловья Борис Зайчик с просьбой посмотреть талмудические комментарии деда. Я, конечно, очень удивился как совпадению, так и тому, что эти комментарии нашлись. К тому времени я сам пытался их искать в разных американских библиотеках, но безуспешно. Оказалось, что часть комментариев в Америку не передали, они остались в семье. Я показал комментарии одному из своих учителей, выдающемуся талмудисту раву Аврааму Вайнгорту, и он оценил их как чрезвычайно интересные, а автора, разбиравшегося не только в средневековых, но и в современных толкованиях *Гемары*, назвал несомненным *талмид хахамом*. Мы с Борисом поняли, что комментарии непременно нужно публиковать — и не только в память о его деде, но и ради приумножения талмудического знания, чтобы этот труд смогли прочесть те, кому он нужен и кто способен его оценить.

Но история не закончилась и на этом. Я спросил у Бориса, известно ли ему, кто вывез в Америку рукописи его дедушки. Да, известно, это был рав Пинхас-Мордехай Тайц. Конечно, я сразу стал искать этого человека. Самого рава Тайца уже не было в живых, но я нашел его сына, раввина Эльзара-Майера Тайца, директора основанного его отцом еврейского образовательного центра в городе Элизабет, штат Нью-Джерси.

Оказалось, что рав Тайц-старший был великим человеком. Выдающийся знаток Торы, он еще в 1941 году основал одну из первых в США еврейских школ. Несмотря на занятость, он не мог равнодушно смотреть, как в далекой Советской России страдают евреи, лишенные своих традиций. «Мой отец не менее двадцати раз посещал Советский Союз, чтобы как-то поддержать тамошних евреев, — рассказывал мне рав Эльазар Тайц, когда мы сидели и пили чай в его иерусалимской квартире. — Во время таких поездок он и получил рукописи Менахема Соловья и отвез их в Америку».

Часть рукописей из Нью-Йорка мне передала дочь рава Тайца Шуламит, которая живет в Иерусалиме, другую часть прислала по электронной почте его младшая дочь — Элишева. Обе они в детстве приезжали с отцом в Москву. Как мне объяснили, это было необходимо для отвода глаз. Американский раввин приезжал в Советский Союз с дочерью якобы для того, чтобы показать ей Москву, прогуляться по Красной площади, посмотреть Ленинград и сходить в Эрмитаж. Так драгоценные рукописи оказались у нас — у меня и Бориса, внука Менахема Соловья. Мы надеемся, что скоро они будут напечатаны, найдут своего читателя и расскажут не только о сложных местах талмудического учения, но и о том, что это учение живо и продолжает одухотворять мир даже в наше непростое время.

Голос евреев молчания: историческое отступление от сюжета

Поколению, которое родилось в России в последнее десятилетие XIX века, предстояла непростая, полная испытаний жизнь. Юность этого поколения прошла в преддверии и во время Первой мировой войны, уже само название которой свидетельствует о чем-то эпохальном. Те, кто учился, успели получить ту или иную форму традиционного образования: кто окончил гимназию и университет, кто — хедер и ешиву. Но вот насту-

пил 1918 год, и значительная часть культуры человечества с ее религией, философией, искусством была объявлена устаревшей и реакционной. Для тех, кто родился позже и не получил основательного образования, эта потеря не казалась такой значительной. Формировалась новая культура, с одной стороны упрощенная, державшаяся на совокупности идеологических штампов, с другой — массовая и нетерпимая к инакомыслию: любое отклонение от ее канонов рассматривалось как прямое противостояние режиму.

Для евреев России эта трансформация стала частью процесса смены цивилизационного облика всего народа. За 70 лет, прошедших от большевистского переворота до перестройки, полностью поменялись язык, места обитания, культура, религия, сфера деятельности подавляющего большинства евреев. Само еврейство становилось невозможным: сначала как религия, потом как культура и, наконец, даже как имя. Само употребление слова «еврей» со временем оказалось нарушением принятой нормы. Те, кто рос в таких условиях, почти не ощущали этих перемен, ведь все происходило постепенно, но те, кто к 1918 году уже был носителем культуры «старого мира», не могли не страдать. Возник феномен культурного двоемыслия: люди вели двойную жизнь, боялись, во многих вопросах шли на компромиссы с совестью. Кто-то смирился, кто-то героически противостоял изменениям.

В советском обществе сотни тысяч евреев — представителей «советской интеллигенции» — активно участвовали во всех общественных процессах. «Лица еврейской национальности» были учеными, писателями, художниками, музыкантами, военачальниками, спортсменами, врачами, юристами, дипломатами... Но для подавляющего большинства из них еврейство почти потеряло свое содержание: оно свелось к осознанию своей инаковости и незначительным рудиментам традиции, оставшимся в семье. Даже если они помнили язык, религию и культуру, все это было на втором плане, никак не проявлялось в их

интеллектуальной и духовной жизни. К этому нужно добавить, что большинство носителей еврейской культуры, особенно религиозной и интеллектуальной, покидали Советский Союз при первой же возможности.

Таким образом, собственный голос еврейства фактически не звучал в Советском Союзе. Когда выдающийся писатель и общественный деятель Эли Визель в 1966 году выпустил книгу о своей поездке по СССР, он назвал ее «Евреи молчания» (*The Jews of Silence*). Во введении он отмечал: «В ходе своей поездки по Советскому Союзу, совпавшей с еврейскими осенними праздниками 1965 года, я попытался понять и, если удастся, пробить молчание, в котором пребывают более трех миллионов советских евреев, которые начиная с революции 1917 года живут в отрыве от своего народа». Визель имел в виду стену молчания, окружавшую советских евреев, которых он считал полностью потерянной и обреченной на ассимиляцию частью еврейского народа. Однако данное Эли Визелем определение оказалось значительнее, чем его первоначальное намерение дать емкую и метафоричную характеристику советскому еврейству. Слово «голос» в еврейской традиции имеет очень глубокий смысл. Не случайно праотец еврейского народа Яков характеризуется именно через голос (*Берешит*, 27:22). А радиоканал, который с замиранием сердца слушали евреи Советского Союза, назывался «Голос Израиля из Иерусалима». Но был ли голос у самих советских евреев? Сообщили ли они что-то особенное миру? Если говорить о культурных, научных или спортивных достижениях, то, конечно, сообщили. Но сказали ли они что-либо именно как евреи? На этот вопрос можно дать по крайней мере один несомненный ответ. Через четверть века после слов Эли Визеля миллионы евреев покинули Советский Союз и поселились в Израиле, США и Европе, а из тех, кто остался на территории уже бывшего СССР, многие вспомнили, что они евреи. Сам этот факт — уже очень важное высказывание. Опыт возвращения во всех смыслах этого слова бесценен для

нашей эпохи. И этому опыту возвращения почти из бездны, из полного забвения, из состояния «ничто» русскоязычные евреи могут научить очень многих. И это уже начало голоса. Ведь настоящая речь приходит из молчания, из «тонкой тишины» (*Млахим I, 19:12*).

Жизнь Менахема Соловья, несомненно, была одним из звуков этого голоса евреев молчания, и хотя не только Эли Визель, но и многие другие современники Соловья этого голоса не услышали, для нас он — невероятно важное свидетельство той эпохи. Сам Соловей вполне осознавал значимость своей деятельности и уникальность своего пути — он писал воспоминания и много размышлял о собственной судьбе. Уже в старости Соловей стал свидетелем процесса активного возвращения к традиции, в который была вовлечена еврейская молодежь в 1980-х годах и который в разных формах продолжается до сих пор. Соловей общался с Элиягу Эссасом, Ицхаком Коганом, да и со мной, и это была встреча двух разных поколений. Книга, которую вы держите в руках, — еще одно подтверждение, что эта встреча поколений состоялась.

Юноша из местечка

Когда в начале XX века Семен Ан-ский, руководствуясь народническими идеалами, отправился исследовать обитателей еврейских местечек, он предполагал, что, подобно живущим в русских деревнях крестьянам, местечковые евреи — простые, не затронутые цивилизацией люди — представляют собой коренную часть еврейского народа. Действительно, жители местечек существенно отличались от ассимилированных евреев Петербурга и Москвы, но еще более они были непохожими на деревенских жителей. Особая субкультура еврейского местечка породила человеческий тип, сочетавший провинциальную городскую культуру с традиционными еврейскими духовными и интеллектуальными ценностями. Эти ценности различались

в зависимости от региона, да и внутри одного местечка, как правило, жили люди, принадлежавшие к разным религиозным течениям. Сотни местечек Украины и Польши стали бастионами хасидизма, с его мистическими братствами и специфической социальной организацией. Местечки Литвы и Беларуси к началу XIX века сделали центрами талмудической учености и этического движения *Мусар*.

В Латгалии, где вырос Соловей, более или менее мирно существовали хасиды и литваки. В Двинске (Динабурге, Даугавпилсе) проживали два великих раввина, получивших среди евреев всемирную известность: хасидский Рогачевский ребе и литовский раввин Симха-Меир, автор книги *Or sameah*. Из Двинска же произошли и выдающиеся представители светской еврейской культуры, такие как один из крупнейших философов XX века Яков Гордин (1896–1947) или актер и режиссер Соломон Михоэлс (1890–1948), а в местечке Краслава недалеко от Двинска родился врач Мирон (Меир) Вовси (1897–1960). Михоэлс и Вовси многие годы были друзьями Менахема Соловья.

Выросший в такой относительно плюралистичной культурной среде Соловей и в своей жизни и деятельности будет сочетать традиционный талмудизм с *Мусаром* и еврейскую ученость и религиозность — с естественными науками и со светской карьерой. Можно сказать, что провозглашенный в XIX веке франкфуртским раввином Шимшоном Рафаэлем Гиршем принцип сочетания Торы и «пути жизни» (*Пиркей авот*, 2:2) стал внутренним руководством всей жизни Соловья. Молодой блестящий талмудист, любимый ученик великого раввина Хафец Хаима, он отправился в Москву и, почти не зная русского языка, освоил светскую профессию и стал известным врачом. Так же поступили сотни тысяч молодых евреев из местечек черты оседлости. Но — в отличие от многих из них — Соловей, обучаясь в университете и работая врачом, а впоследствии служа в Красной Армии в годы войны, оставался предан еврейству и никогда не оставлял изучения Талмуда.

Еврейский врач

Еврейский врач — фигура давняя, очень интересная и значимая для еврейской культуры. В истории было множество известных евреев — представителей этой профессии. Некоторые из них были не только врачами, но и выдающимися знатоками Торы. К примеру, Ицхак Исраэли, который наряду с Гиппократом, Галеном и Авиценной считается одним из величайших врачей в истории, был также философом и комментатором. Ему не уступают в этом качестве Маймонид, Нахманид, Йеѓуда га-Леви и другие. Для Соловья, как и для многих евреев XIX–XX веков, занятие медициной давало возможность хорошо устроиться в жизни. Без работы доктора не сидели, их услуги всегда были очень востребованы. Однако, как рассказывает сам Соловей в воспоминаниях, им двигали далеко не прагматические мотивы. Прежде всего, он хотел помогать людям, что, конечно, согласуется с воспитанием в духе этики *Мусара*. Кроме того, к занятиям медициной его подтолкнуло любопытство: ему было интересно, что находится внутри человеческого тела, да и не только человеческого. Еще ребенком он, обнаружив на улице мертвую кошку, взялся ее препарировать.

Статус врача давал определенную независимость, он ставил Соловья выше идеологических различий и конфликтов — как в советской действительности, так и в еврейской общине, — ведь во враче равно нуждаются все. Будучи классическим талмудистом и *мусарником*, Соловей был принят и в хасидских кругах, где его называли «наш хабадский доктор». Не исключено, что у него были определенные трения с религиозными стариками в московской и ленинградской синагогах: они подчас осуждали его за индивидуализм и недостаточно полное соблюдение религиозных норм. Впрочем, ситуация компромисса была характерна почти для всех религиозных стариков, хотя степень этого компромисса была различной. Менахем Соловей никогда не состоял в партии, не отмечал дома советских праздников, но и не все

еврейские праздники отмечал. По рассказам его дочери, отмечали в первую очередь *Песах* и *Хануку*. В остальные праздники Соловей, пока мог, посещал синагогу. В целом можно сказать, что он вел вполне еврейский образ жизни, сохраняя при этом определенную независимость от общины.

Соловей мог бы стать своего рода Маймонидом, который был еврейским ученым, лидером общины и в то же время придворным врачом и политическим советником. В XX веке даже выдающиеся лидеры еврейства, такие как рав Соловейчик или рав Кук, не обладали подобным статусом, но вытесненный на обочину истории Менахем Соловей был к этому близок. Современный талмудист может быть очень уважаемым в своей среде, но не обладать теми возможностями, какие дает общественно значимая профессия. Сочетание авторитетов ученого-талмудиста и врача предполагает совсем иной статус религиозного иудея в социуме. Надо полагать, что если бы феномен Соловья реализовался в нормальных условиях, то это было бы революцией в еврейском обществе. Но, парадоксальным образом, такой феномен реализовался именно в СССР.

«Время Соловья пришло»: открытия в Торе

Годами комментируя Тору и Талмуд в тиши своего кабинета в полном одиночестве, без учителей и учеников и почти без общения на эти темы, Соловей работал по принципу «Тора лишма» («Тора ради нее самой»). Такой чистоте помыслов может позавидовать любой литовский талмудист. Однако комментарии (или, точнее, их можно назвать *хидушим* — «открытия») Соловья интересны не только и не столько обстоятельствами их написания. Они представляют собой выдающееся произведение раввинистической мысли. В настоящий момент найдено 29 тетрадей с комментариями Соловья. Среди них — комментарии на Вавилонский и Иерусалимский Талмуды, на трактат *Авот де-рабби Натан* (который, в свою очередь, — комментарий на

мишнаитский трактат *Авот*), на *Сифрей* — сборник *мидрашей* на библейские книги Бемидбар и Дварим, а также небольшая автобиографическая поэма на иврите, которую Соловей вставил в свой комментарий.

Первое, что поражает в комментариях Соловья, — это широта охвата источников. Он использует не только все классические комментарии (Раши, тосафистов и прочие), но и известные комментарии XVIII–XIX веков, такие как *Бейт Леви*, комментарий рабби Акивы Эйгера и другие. Второе — это актуальность и живость комментариев. Говоря о *Галахе*, Соловей рассматривает ее не отвлеченно, а с оглядкой на реальные проблемы современных ему евреев. Он не боится острых, спорных вопросов, а, наоборот, обращается к тому, что тревожит и волнует, в частности к медицинским проблемам. В освещении подобных проблем сочетаются профессиональная компетенция автора-медика и эрудиция выдающегося *талмид хахама*. Таким образом, комментарий на древний талмудический текст сохраняет признаки исследования, написанного в 60-х годах XX века в Советском Союзе. Эти особенности делают труд Соловья совершенно уникальным.

Обращаясь к талмудическим открытиям Соловья, я постоянно задаю себе один и тот же вопрос: что они могут дать нам, современным читателям? Как и многим *баалей тишва*, мне всегда было очень важно услышать комментарии, отвечающие на современные вопросы. Это касается и практических аспектов повседневной жизни, и политических и идеологических проблем мира, в котором мы живем, и философских и религиозных тем, связанных с основаниями веры. Как правило, современные раввины избегают таких вопросов или дают на них упрощенные прямолинейные ответы. Бывают исключения. Но я глубоко уверен, что число неотвеченных вопросов такого рода в точности соответствует числу потерянных евреев и размеру потерянной Торой части мира. Разумеется, в *хидушим* Соловья нет ответов на все такие вопросы. И все-таки они дают надежду ответы эти найти.

Подведем некоторые итоги. Феномен Соловья показывает, что в недрах советского еврейства шла внутренняя еврейская интеллектуальная жизнь. Менахем Соловей не был частью или мотором движения *тишув*, охватившего молодежь в 1970–1980-х годах, не был он и героем, несмотря ни на что сохранившим традицию в советских условиях. Он непохож на тех, кто ради соблюдения заповедей был готов жертвовать своими интересами, увлечениями, профессией. В свободной стране он мог бы сочетать занятия медициной с изучением Талмуда, но в Советском Союзе это было невозможно. В результате для всех он остался врачом и ученым, но сам при этом посвятил жизнь изучению Торы. Соловей не относился к числу тех, кто ради соблюдения субботы отказывался от профессиональной самореализации, а ради выпечки мацы шел в сталинский лагерь, но он не меньше, а даже, пожалуй, больше, чем эти бесстрашные люди, сделал для сохранения духовного стержня еврейства — его учености.

Феномен Соловья свидетельствует, что современные евреи, живущие в разных странах мира и сколь угодно далекие от веры, хранят в себе, несмотря на разрыв традиции, основы еврейства, заложенные сто лет назад. Вся жизнь Соловья в стране, где разрыв был наиболее радикальным, доказывает, что различие между, скажем, ассимилированными евреями Северного Тель-Авива и ультраортодоксами Бней-Брака не столь огромно, как кажется, и все может измениться за одно поколение — ведь основа у них общая.

На символическом уровне жизнь Соловья может рассматриваться как своеобразный мост над пропастью — между еврейством и ассимиляцией, религией и секуляризмом, между разными поколениями. Разрыв истории не абсолютен, можно вернуться к прошлому, можно пряхсть дальше прерванную нить.

Беседы М. Г. Соловья с Ильей Дворкиным

*Дома у Мануила Гершеновича
и Баси Борисовны Соловей*

30 апреля 1985 года

и.д. А кто это? (*Указывает на портрет М. Г. Соловья.*)

м.с. Не угадаете! Это я во время войны.

и.д. Это вы, да? А кто рисовал?

м.с. Там написано, кто рисовал. Какой-то кустарь.

и.д. Про Хафец Хаима¹ расскажете?

м.с. Что рассказать?

и.д. Просто я не встречал ни одного человека, который бы видел Хафец Хаима. Ведь это было уже очень давно.

м.с. Пять лет подряд я очень часто был у него дома, ночевал у него, пил-ел, всё с ним. Он был самый близкий мне человек.

и.д. А это когда было?

м.с. Это было до 1917 года.

и.д. До 1917 года, да? А у него много учеников было? Где это было?

м.с. Это было в городе Радин². Это недалеко от Вильнюса.

и.д. Там была ешива?

м.с. Ешива, да. Это давно уже было. Он был очень ученый человек! Он много великих книг написал!

Запись и расшифровка бесед хранятся в архиве Петербургского института иудаики: Ф. 3. Оп. 2. Д. 61 (аудиозапись беседы). Ф. 3. Оп. 2. Д. 62 (расшифровка беседы). — *Примеч. сост.*

מבוא

מנחם (ידוע גם בשם מנואל) סולוביי (1898 – 1985), תלמיד חכם ורופא גסטרו, שילב שתי דרכים שלא ניתן היה לכאורה לשלבם בברית המועצות, דהיינו קריירה מקצועית ואקדמית מוצלחת, מצד אחד, ודתיות, שמירת מצוות היהדות והתמדה בלימוד התורה, מהצד השני.

סולוביי נולד בעיירה קרייצבורג שבבלטביה למשפחה של חייט. למד במספר ישיבות כולל הישיבה של החפץ חיים בראדין. הוא היה תלמידו האהוב על החפץ חיים, זכר אותה לטובה במשך כל חייו והקפיד על עקרונותיו המוסריים. בעת מלחמת העולם הראשונה סולוביי עבר למוסקבה בעקבות הוריו. שם הוא למד רוסית, עבר את בחינות הבגרות והתקבל לפקולטה לרפואה באוניברסיטת מוסקבה הממלכתית השנייה. לאחר סיום לימודיו הוא עבד כרופא כללי ורופא גסטרו במספר מרפאות במוסקבה ובמקביל עסק במדע תחת הדרכתם של הפרופסורים רומן לוריא ובוריס ווטצ'ל וגם עסק בהוראה. בשנת 1937 קיבל תואר קנדידט למדעי הרפואה (שקול ל-MD) ובשנת 1959 הוענק לו תואר דוקטור. הוא פרסם מספר ספרים ומאמרים מדעיים בנושאי גסטרואנטרולוגיה ותולדות הרפואה. בשנות מלחמת העולם השנייה הוא שימש בתפקיד של רופא ראשי של בית חולים צבאי, הרצה בפני הרופאים הצבאיים, ריפא גנרלים ומרשלים של הצבא האדום הסובלים מכיב קיבה. הוא קיבל דרגת רב-סרן בשירות הרפואי. בתקופת הקמפיין האנטישמי לאחר המלחמה, במיוחד ב"פרשת הרופאים", סולוביי בתור רופא ויהודי המקורב לקהילה היהודית והוועד היהודי האנטי-פשיסטי, חי תחת איום מעצר.

שלבים ופנים שונים של קורות חייו מתוארים בספר הזכרונות פרי עטו וגם במאמרי מחקר ומאמרים אוטוביוגרפיים הנמצאים בחלק הרוסי של ספר זה. במהלך כל חייו, וגם בהיותו בחזית בתקופת המלחמה, סולוביי כתב פירושים לתלמוד. קטעים מהם מוצעים לקורא בחלק העברי של הספר (בחלק הרוסי הם מתורגמים לרוסית). רוב מחברותיו עם חידושי הוברחו מבריה"מ ע"י הרב האמריקאי פנחס טייץ, אבל השאר נשאר שם ונמצא מאוחר יותר בארכיון המשפחתי בסנט-פטרבורג. 13 מחברות נפרדות פוענחו ומוחשבו ע"י העובדים של המכון ללימודי

חידושי מנחם

חידושים על הש"ס
ועיונים במדרשי אגדה
מאת ר' מנחם בן הירש סולוביי ז"ל
תלמידו החביב של החפץ חיים

יוצא לאור פעם ראשונה מכתבי יד אשר נתגלו
אחרי שהתגלגלו ממוסקבה לארה"ב ולארץ
עם פירוש מאת הרב ירחמיאל אליהו וינגורט שליט"א
ראש כולל מקור צבי בגבעת זאב
הקדמה מאת הרה"ג אברהם אבא וינגורט שליט"א
ובנו הרב ירחמיאל אליהו וינגורט שליט"א
עם תוספות לזיכרונותיו של מנחם סולוביי על חייו,
לימוד בישיבה אצל החפץ חיים, עבודה בתפקיד הרופא,
שירות בצבא האדום במהלך מלחמת העולם השנייה,
כתוב ברוסית.

יוצא לאור על ידי נכדו בורים זייצ'יק נ"י

{книжники}

МОСКВА

5782/2022